

МАССМЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ ТРАНСЛЯЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© 2007 А.А. Меркулов

Воронежский государственный университет

Историческая реминисценция и образное восприятие мира позволяют представить масштабные картины революционного хаоса, творящегося на центральных улицах и столичных площадях прошлого. Толпы людей, координируемые отдельными личностями, устремляются по брусчатке к социальной справедливости, сметая на своем пути анахроничные условности органов государственной власти. Революции прошлых эпох пронизаны непосредственной материальной телесностью ее участников. Сведения в форме могучих слухов или едких газетных публикаций распространялись по революционному ландшафту, постепенно пожирая политически неграмотных людей, доводя их до кровавой резни гражданских войн.

Информационность бытия, присущая нынешнему миру, позволяет приобщиться к революционной динамике, не выходя из дома или не покидая рабочего места. Слушая радио-, созерцая телеприемник, попадая в паутину электронной сети, современники имеют возможность уловить аромат пестрого букета революционных цветов. Все социальное пространство пропитано политическим смыслом, благоухание которого остро ощущается в мгновения революционного романтизма. Поэтому нельзя не обратиться к явлению массмедиа, проблематизация которого так важна для научного начертания базы теоретико-методологических основ политико-конфликтологического исследования «цветной революции». При этом следует принять, что политический смысл, то есть содержание и значение, представляет собой деяния профессионалов, направленные на примирение несовместимых социальных интересов, в рамках конкретного общественного порядка. В общем и целом политический смысл представляется искусством постановочным, в некотором роде управляемым культурным спектаклем.

Как отмечает российский политолог Г. Почепцов, «инженерия протеста опирается на

инструментарий, направленный на захват власти и использующий протестные настроения масс, искусственно или естественно создаваемые. Управляемость революционных процессов демонстрируют все бархатные революции последнего времени» [4; С. 9]. Данный посыл нуждается в теоретико-методологическом обосновании.

По мнению германского социолога Н. Лумана, «то, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа» [3; С. 8]. Действительно, современники предстают существами лежащими, которые встают, чтобы сменить место своего лежания перед экраном телевизионного приемника, а те, кто превращает их в объект своего исследования или манипуляции, имеют ненамного больше отличий.

Ученый замечает, что обширность знания о массмедиа не способствует увеличению доверия им как со стороны политических профессионалов, так и социальных толп. Защищаясь, в адрес массмедиа выдвигаются обвинения в политической манипуляции, однако это обвинение не влечет за собой значимых экономических последствий, поскольку знание, заимствованное у массмедиа, словно само по себе образует закрытую, саму себя подпирющую структуру. Подобное политическое знание характеризуется как сомнительное, и все-таки вынуждает на нем основываться и из него исходить все объекты массмедиа. Преодоление когнитивной проблемы не может состоять в обнаружении и критике «некоего тайного кукловода» (политического антрепренера) — как бы ни хотели в это верить социальные толпы. Таково одно из следствий функциональной дифференциации нынешних обществ на постсоветском пространстве. Перелистывая страницы или нажимая кнопки пульта дистанционного управления, можно убедиться, что все материальные носители информации демонстрируют приверженность отражению политических высказываний доверенных лиц больших социальных групп, часто в

патетической форме духовного транслирования. Нередко декларирование политических смыслов представляет собой лишь информационный повод для цветного напоминания политической фигуры о своем существовании на большой игровой доске черно-белого цвета. Кажущееся различие одного и того же тактического опредмечивания некой социально значимой идеи достигается за счет многократного ее повторения в нескольких материальных носителях.

Поэтому понятием «массмедиа» должны быть охвачены все общественные учреждения, использующие технические средства для распространения сообщений. Прежде всего — книги, журналы, газеты, изготавливаемые на печатном станке; а также результаты фото- или электронного копирования в том случае, если массовые продукты производятся ими для еще не определенных адресатов (в том числе — для целевых групп). Распространение сообщений в прямом эфире или в записи охватывается предметной областью этого понятия, если сообщения общедоступны, а не служат для персональной связи отдельных участников. Одним из технических новшеств, которое нашло свое применение в «цветных революциях» на постсоветском пространстве, должно считать сотовую связь и мобильные телефоны. Все это использовалось не только как инструментальное оснащение революционеров, но и как технический повод к социальному протесту против тех, кто сумел приобщиться к соблазнительным благам (телекоммуникационные системы) перераспределения материи и духа советской империи.

По мнению Н. Лумана, «...основная мысль состоит в том, что только машинное производство какого-либо продукта как носителя коммуникации, — а не письменность как таковая, — привело к обособлению особой системы массмедиа. Технология распространения здесь является почти таким же достижением, каким для экономики стала опосредованная функция денег: сама эта технология конструирует лишь медиум — условие возможностей для формообразований, которые затем, в этом отличаясь от самого медиума, образуют коммуникативные операции, обеспечивающие обособление и замкнутость операций системы» [3; С. 9 — 10]. Решающее значение в данном случае имеет не то, что между отправителем и адресатами политического смысла не может состояться непосредственное взаимодействие. Такое взаимодействие исключено из-за посредничества техники, что позволяет определить понятие «массмедиа», возможны и исключения, но никогда — со всеми адресатами.

Реальность массмедиа, словами Н. Лумана — «их реальная реальность», состоит в их собственных операциях: печати и вещании, чтении,

просмотре передач. Бесчисленные коммуникации подготовки (печати и вещания) и обсуждения, происходящие постфактум, выступают контекстом этого процесса. Однако распространение возможно лишь на основе специальных технологий.

Естественно, что политическая коммуникация возникает лишь тогда, когда кто-то видит, слышит, читает и понимает, что здесь могла бы последовать дальнейшая коммуникация. Одно только действие, передающее сообщение, не стоит признавать коммуникацией. Но средства массовой коммуникации (в отличие от интеракции среди персональных лиц) трудно определить актуально задействованный круг адресатов. При этом явное присутствие — физическое наличие должно в значительном объеме компенсироваться гипотезами — духовным отсутствием, особенно, когда политическое понимание и непонимание перетекают в следующую коммуникацию внутри или вне системы массмедиа.

В таком понимании деятельность массмедиа следует рассматривать не просто как последовательность операций, но как последовательность наблюдений или, точнее, как последовательность наблюдающих операций. Чтобы прийти к такому пониманию массмедиа, мы, следовательно, должны наблюдать их наблюдение. Для понимания, представленного вначале, достаточно наблюдения первого порядка, в котором речь как будто бы ведется о фактах. Для второй возможности понимания следует занять позицию наблюдателя второго порядка, словами Н. Лумана, — «наблюдателя наблюдений».

Придерживаясь этого положения, можно вести речь (всегда относительно некоего наблюдателя) о первой реальности и о второй (или наблюдаемой) реальности. Наблюдается некое удвоение реальности, которое осуществляется в наблюдаемой системе массмедиа. В ее коммуникациях, действительно, что-то политическое обсуждается. Выходит, что существует система, которая может проводить различие между самореференцией и инореференцией. Известно, что в рамках классического дискурса на тему политической истины, а также повседневных представлений о ней, интерес вызывало бы лишь то, верны ли сообщения массмедиа или нет. Или они верны лишь наполовину, а наполовину — ложны, ибо истиной «манипулируют»? Но как это установить? В отдельных случаях это было бы возможно в отношении того или иного наблюдателя и, в особенности, в отношении систем, о которых как раз сообщается. Однако для текущих политических сообщений это, естественно, исключено.

Функция системы массмедиа состоит в управлении самонаблюдением общественного

организма, — под этим подразумевается не спецификация объекта среди других, а некий способ разделить мир на систему (а именно, — общество) и внешний мир. Поэтому «реальность массмедиа» нельзя постичь, если усматривать их задачу в подготовке адекватных информации о мире и соизмерять с этим их сбои, их искажения реальности, их манипуляции мнениями, — так, словно было бы возможно иное положение дел. В постсоветских обществах массмедиа воплощают именно такую дуальную структуру воспроизводства и информации, дуальную структуру продолжения всегда уже адаптированного аутопойезиса и когнитивной готовности к раздражающим возможностям.

На взгляд ученого, массмедийное предпочтение информации, которая, благодаря опубликованию, теряет свою ценность неожиданности, а значит, постоянно трансформируется в не-информацию, отчетливо показывает, что функция массмедиа состоит в непрерывном порождении и переработке раздражений, — а не в умножении познания, социализации или прививании нормативного конформизма. Как фактический результат этой циркулярной длительной деятельности по производству и интерпретации социальных раздражений, благодаря поступающей информации, связанной с моментом времени (то есть в качестве различия, которое производит различие), возникают описания мира, на которые ориентируются постсоветские общества внутри и вне массмедиа.

Как замечает российский политолог С. Г. Кара-Мурза, «бархатные революции» в качестве одного из главных своих этапов имеют уличное действие невооруженной толпы, как правило, в столице государства. Это — большой политический спектакль, поставленный с применением специальных технических и художественных средств. Он оказывает сильнейшее воздействие на сознание как вовлеченных в толпу людей, так и на зрителей — жителей города и значительной части населения страны, наблюдающих спектакль по телевидению. Практически, всегда эти революции становятся общемировыми спектаклями, к трансляции которых привлекаются мировые СМИ» [2; С. 76]. Возможно, публичная телесность участников революционного процесса имеет и денежно-продуктовый эквивалент, тем не менее, предыдущие политологические изыскания в области инструментальной составляющей массмедиа следует дополнить технологическим компонентом.

По мнению французского философа Ж. Бодрийера, теории массмедиа не существует. «Революция массмедиа» до сих пор остается эмпирической и абстрактно-мистической. Ученый

выдвигает свое видение проблемы массмедиа как атрибута нынешнего общества, способствующего тотальному обмену знаками. Более того, характерной чертой массмедиа является то, что они предстают в качестве антипроводника, что они негнотивны, что они антикоммуникативны, — если мы примем определение коммуникации как обмена, как пространства взаимосвязи слова и ответа, а следовательно, и ответственности, — что они вовсе не обладают психологической и моральной ответственностью, но выступают в качестве личностной корреляции одной и другой стороны в процессе обмена. Иными словами, если мы определяем коммуникацию как нечто иное, нежели просто передача / прием информации, то последняя подвержена обратимости в форме обратной связи. Нынешняя структура системы массмедиа основывается на том, что она является собой то, что навсегда табуирует ответ, что делает невозможным процесс обмена, кроме симулякра ответа. В этом состоит подлинная абстрактная мистификация массмедиа, на которой основывается материальное перераспределение и духовный контроль.

А для того, чтобы уяснить смысл коммуникативного ответа в области массмедиа, следует принять, что нечто социальное оказывается политически выраженным, и все делается таким образом, чтобы на это выражение не было получено никакого ответа, разве что символический выбор на очередной электоральной процедуре. Поэтому единственно возможная революция в этой области — как, впрочем, и «цветная революция» — есть восстановление возможности ответа. Эта простая возможность предполагает переворот во всей структуре массмедиа.

Никакой иной возможной теории или стратегии не существует. Любые попытки смягчить или ужесточить содержание, разрушить его, восстановить «прозрачность кода», контролировать процесс передачи информации, создать обратимость связей или взять контроль над массмедиа представляются безнадежными, если, словами Ж. Бодрийера, — «не разрушена монополия слова». Разрушение монополии слова необходимо не для того, чтобы дать это слово лично каждому, но так, чтобы это слово вступило в процесс обмена. А процесс политического обмена порождает способность всякого слова быть переданным и быть возвращенным, и так, чтобы этот процесс никогда бы не смог быть прерван и воссоздан на какой-либо иной стадии политического процесса в новой политической процедуре демократического или авторитарного характера.

Как считает Ж. Бодрийер, «в традиционном поле политики (правые или левые), там, где происходит обмен освященными моделями и

каноническим словом, массмедиа осуществляют передачу без искажения смысла. Они являются гомогенными этому самому слову, подобно тому, как они являются гомогенными обращению товара. Но ведь трансгрессия и разрушение передаются по волнам только в том случае, если они, как таковые, подвержены искусственному отрицанию: превращенные в модели, нейтрализованные в знаках, они лишаются своего смысла. Не существует модели трансгрессии, прототипа, серии» [1]. Еще одним способом уничтожения трансгрессии можно считать превращение ее в убийственную политическую рекламу. Поначалу эта операция может заставить нас поверить в «сенсационные» результаты. Но на самом деле она равнозначна дезорганизации всего движения путем лишения его присущего ему импульса. Акция разрыва превратилась со временем в бюрократическую модель администрирования – в этом функциональная суть работы массмедиа.

По замечанию Г. Почепцова, – «революции и путчи сопровождают всю историю человечества. Часто они являются единственным вариантом для движения вперед. Не менее часто они завершаются ничем. Но в любом случае человечество имеет в своем арсенале инструментарий подобного интенсивного изменения действительности» [4; С. 495].

Итак, научная интуиция подсказывает, что теоретико-методологическое восприятие массмедийного кода «цветных революций» на постсоветском пространстве имеет двоякую, на первый взгляд, противоположную трактовку. Однако инструментальное (Н. Луман) и технологическое (Ж. Бодрийяр) выражения сути «цветной революции» через образные конструкты политики есть явления взаимодополняющие. Через функцию это можно выразить следующим образом: массмедиа не только внедряет политический повод к активным действиям, но и вовлекает

социально-неактивные группы в «цветную революцию». В шестидесятые годы двадцатого века возникло такое явление, как теледемократия, а вот в самом начале двадцать первого века можно диагностировать появление такого политического феномена, как массмедийные революции. Если о том, что «цветные революции» на постсоветском пространстве имели место, не было бы никакой информации, то их не было бы вовсе для отдельных психических систем, тем более для обыденного сознания. Тем не менее, пусть политическое бытие переполняется иллюзией или симулякром третьего порядка. Неважно, как будет номинирована система массмедиа, имеет значение только то, что гранатовые глубины стремительных рек социальной несправедливости больше не выйдут из своих берегов, не затопят политически спокойные общества на берегах постсоветского пространства. Политическим смыслом «цветных революций» на постсоветском пространстве следует признать такой метафизический лозунг или трансцендентный девиз – не переключайте канал, оставайтесь с нами!

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Реквием по массмедиа / Ж. Бодрийяр // <http://sociologos.narod.ru/textes>
2. Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Изд-во Алгоритм, 2005. – 528 с.
3. Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с. – (Серия «Образ общества»).
4. Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии / Г. Почепцов. – М.: Издательство «Европа», 2005. – 532 с. – (Технологии)

Рецензент – В. В. Тулунов.

Статья принята к печати 14.09.2007.